

⁷ «Окружное послание» — старообрядческое сочинение, призывавшее к примирению с господствовавшей церковью. В нем содержался отказ от прежних обвинений правящей церкви в искажении догматов и обрядов. Окружное послание было принято духовным советом (собором) старообрядцев-поповцев в Москве 24 февраля 1862 г. Текст его написан Иларионом Егоровичем Кабановым (Ксеносом). В принятии «Окружного послания» сказались тенденции значительной части верхушки старообрядчества поповского толка к сближению с царским правительством и официальной церковью. Первым подписавшим послание был владимирский архиепископ Антоний — фактический глава московского центра старообрядчества. Среди старообрядцев было много противников послания, во главе которых до 1869 г. стоял белокрыницкий митрополит Кирилл.

А. А. ГЕРЦЕН и А. И. ГЕРЦЕН — В. О. КОВАЛЕВСКОМУ

Публикация И. М. Белявской

Публикуемое письмо является чрезвычайно важным документом для раскрытия позиции издателей «Колокола» в период польского восстания 1863 г., в частности — по вопросу об участии в восстании русских революционеров. Известно, что Герцен был поборником независимости польского народа. Он неустанно оказывал морально-политическую и практическую поддержку польскому национально-освободительному движению. Когда в 1863 г. в Польше началось восстание, Герцен не только желал ему успеха, но и надеялся, что в России весной и летом 1863 г. развернется борьба крестьян против самодержавия и помещиков и русское освободительное движение сокинется с польским восстанием. Важнейшим условием, при котором польское восстание могло способствовать развитию народного движения как в Польше, так и в России, Герцен считал следующее: польская революция должна принять за основу «аграрное начало», признать «волю областей» (XVI, 532). Издатели «Колокола» полагали, что польское восстание будет развиваться именно в этом направлении и окажет действительное влияние на развертывание освободительного движения в России. «Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, — писал Герцен В. И. Касаткину 27 марта 1863 г., — чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. С весной это примет настоящие размеры» (XVI, 150). В то же время издатели «Колокола» понимали ограниченность польских повстанцев в социальных вопросах и их национализм. В этом смысле издатели «Колокола» и считали «польское дело чужим». Вместе с тем, они не переставали видеть в польском восстании дело свободы. Так, Огарев, говоря в своей статье «Надгробное слово» о польском деле, как о чужом «по многим розни в постановке общественных вопросов», одновременно указывал, что оно и свое дело, «потому что оно дело свободы» («Колокол», л. 162 от 1 мая 1863 г.). Вопрос об участии русских революционеров в польском восстании издатели «Колокола» ставили в зависимость от того, какой в конечном счете оно примет характер, какие тенденции в нем будут преобладать. «Перейдет ли польское дело из национального в крестьянское и, с литовской окраины, как дрожжи, зашевелит всю Россию?» — ставили вопрос издатели «Колокола» (там же). Эти же вопросы поднимаются и в инструктивной записке Огарева «Три вопроса...», составленной в конце марта — начале апреля 1863 г., то есть тогда же, когда писалось публикуемое письмо (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 518—522). Как в записке «Три вопроса...», так и в публикуемом письме отражены сомнения издателей «Колокола» в том, примет ли польское восстание народный характер. Именно в этой связи Герцен в публикуемом письме и ставит вопрос: «Не побережь ли свои силы на свое дело?». Во второй половине 1863 г., когда уже не было никаких сомнений относительно того, что польское восстание не может послужить «ферментом» для подъема революционного движения в России, Герцен прямо заявлял, что польское дело «не наше дело, хотя и правое относительно» (XVI, 492).

Публикуемое письмо дошло до нас в перлюстрационной копии агента III Отделения. Хотя на конверте фамилия адресата агент обозначил «J. Kowalewski», письмо,

несомненно, адресовано Владимиру Онуфриевичу *Ковалевскому*, выдающемуся русскому ученому-палеонтологу, хорошо знавшему Герцена и принявшему вместе со своим другом П. И. Якоби непосредственное участие в польском восстании (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 259—262). То, что адресатом публикуемого письма был В. О. Ковалевский, находит подтверждение в его письме к Герцену от 22 октября 1863 г. из Кракова, в котором он объясняет свой приезд в Краков желанием увидеть Якоби, «о котором и вместе с которым,—замечает Ковалевский,— я писал вам еще в апреле» (там же, стр. 260).

Письмо публикуется по копии «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

Рукой А. А. Герцена:

Лондон. Orsett House. Westbourne Terrace
7 апреля <1863 г.>¹

Любезный Ковалевский! Не думайте, чтобы я забыл свое обещание написать вам некоторые подробности о проекте вашего приятеля². Мое письмо опоздало, потому что моя поездка³ продолжалась несколько дней более, чем я ожидал, а, во-вторых, в последние дни новости были таковы, что поневоле заставляли приостановиться и призадуматься. Это вы, верно, оба сами почувствовали. Теперь дела идут опять лучше, силы оживают снова, и однако, несмотря на это, я не решился бы именно в такую минуту на благодарное, но фанатическое предпринятие вашего приятеля. Но тут советовать очень трудно: это дело должен каждый порешить окончательно в своей совести. У нас тоже в Лондоне нечто подобное готовится. Но вот вопрос: куда теперь обратиться? Лангевича нет⁴. Неужели к Мерославскому⁵ в Краков или Чарторыйскому⁶ в Штокгольм? Я вам скажу, что я сделал бы: я подождал бы 2, 3, 4 недели, чтобы дать время польскому национальному движению принять окончательное положительно-политическое направление, установиться и придти в равновесие среди разных партий, враждебных между собою. А кто может предвидеть, которая из этих партий возьмет верх и увлечет за собой все восстание? Ежели ваш приятель, несмотря на эти печальные мысли, решится,— то с богом! Попросите его только тогда захватить прежде сюда на два, три дня. Это очень важно, и мы ему все облегчим, насколько возможно. Вас удивит, что я пишу не совсем тем тоном, которым писал в последний раз, но тогда я еще не знал всего, что знаю теперь, и был убежден в удаче того, что, кажется, не удалось, т. е. в экспедиции в Жмудь⁷. Возможность еще есть, чтобы дело приняло там другой, *наш* характер, этого и надо выждать.

Прощайте.

А. А. Герцен (junior)

Рукой А. И. Герцена:

Я тоже думаю так, вопрос очень важный. Будет ли в Литве народное восстание? Оно могло быть, но многое изменилось. Не поберечь ли свои силы на свое дело? В Польше *правое* дело, необходимость заявления стороны русских была очевидна. Может, составление русского легиона сделало бы чрезвычайную пользу для России, но возможно ли это? Офицеров много готовых для этого предпринятия: из 3-го округа нас извещают, что, кроме Рыковых, много других уже ушло в польские <отря>-ды *⁸. Во всяком случае, *мы* <согла>сны * помогать. Будьте здоровы.

Преданный вам А. Герцен (senior)

На конверте: Germany, Herrn J. Kowalewski
Glocksstrasse, 32, in Heidelberg

* Край листа поврежден.— *Ред.*

¹ Год устанавливается в связи с упоминанием в письме событий, связанных с польским восстанием 1863 г.

² Речь идет о проекте П. И. Якоби — об участии русских революционеров в польском восстании («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 259—260).

³ О поездке А. А. Герцена в Париж в марте 1863 г. см. на стр. 128 этого тома.

⁴ В начале марта 1863 г. партия «белых» провозгласила Мариана Лангевича диктатором восстания. Однако Лангевич потерпел поражение и отступил на территорию Галиции, где и был интернирован австрийскими властями.

⁵ Людвиг *Мерославский* — представитель националистического крыла польской эмиграции. Относился враждебно к сотрудничеству с русскими революционерами («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 432).

⁶ Князь *В. Чарторыйский*, сын А. Чарторыйского — представитель аристократического направления в польской эмиграции, враждебно относившийся к народному освободительному движению.

⁷ 21 марта 1861 г. из Лондона на пароходе «Ward Jackson» направилась к берегам Литвы экспедиция польских повстанцев. Пароход и повстанцы были задержаны в шведском порту Мальме. Экспедиция потерпела неудачу.

⁸ Герцен, несомненно, имеет в виду членов революционной организации русских офицеров в Польше. В недавно опубликованном списке членов этой организации значится фамилия штабс-капитана Рыка («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 516). В статье Герцена «Русские офицеры в рядах инсургентов» упомянуто «о двух русских братьях Рыковых, стоящих во главе литовского движения» (XVI, 209).

ГЕРЦЕН — ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ

Публикация И. М. Белявской

Публикуемые три письма Герцена, относящиеся к апрелю 1863 г., адресованы деятелям польской эмиграции — Владиславу Мицкевичу, Юлиану Клячко и Сахновскому (Сохновскому?). Все три письма связаны с издательской деятельностью Герцена.

Первое письмо — направленный редактору «Opinion National» Владиславу *Мицкевичу* (1838—1926) краткий некролог А. А. Потемби, руководителя «Комитета русских офицеров в Польше». Как выясняется, Герцен не ограничился тем, что поместил некролог Потемби в «Колоколе» (л. 161 от 15 апреля 1863 г. ср. XVI, 209); он стремился оповестить о героической гибели русского революционера и иностранных читателей; Владислав Мицкевич — сын Адама Мицкевича — примыкал к аристократическому крылу польской эмиграции.

Второе письмо адресовано видному представителю партии «белых», критику и публицисту Юлиану *Клячко* (1828—1906). В 1862 г. Клячко опубликовал в «Revue des Deux Mondes» отрывки из «Записок» известного революционного эмигранта Руфина Пиотровского. Герцен сразу же откликнулся в «Колоколе» на эту публикацию и уже тогда принял решение перевести эти «Записки» на русский язык (XV, 188). Пиотровский, участник восстания 1830—1831 гг., после поражения восстания эмигрировал во Францию, откуда в 1843 г. нелегально прибыл в Каменец-Подольск в качестве эmissара; вскоре он был арестован и сослан на вечную каторгу в Сибирь; в 1846 г. ему удалось бежать. «Записки» Пиотровского привлекли внимание Герцена потому, что освещали «закулисную историю николаевского царствования» и представляли собой «свидетельство, сделанное поляком» об отсутствии племенной ненависти между поляками и русскими (XV, 188—189).

Публикуемое письмо позволяет точно установить время выхода в свет русского перевода «Записок» Пиотровского в бернской типографии (ср. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 14).

Третье письмо адресовано человеку, о котором мы знаем очень мало (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 64). Единственное ранее известное письмо Герцена Сахновскому (Сохновскому?), напечатанное Лемке (от 4 апреля 1863 г.; XVI, 201), свидетельствует о большом доверии Герцена к адресату, о существовавших между ними конспиративных связях. Из этого письма явствует, что Сахновский несомненно принимал участие в общем революционном деле. «Скажите нашим, чтобы не торопились отъездом,— писал Герцен,— время еще не пришло, надо подготовиться <...> Вы